

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

«МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

В статье охарактеризованы основные направления изучения исторической памяти в современной отечественной науке. Автор выявляет, как отечественные исследователи трактуют социальную природу памяти, какие сообщества рассматриваются в качестве субъекта исторической памяти. Выделены основные группы источников, используемых в работах по исторической памяти, а также методы, которые применяются для их анализа. Рассмотрено, как трактуются в современных российских исследованиях проблемы структуры, содержания и «стратегий» исторической памяти. Научные труды, выполненные в русле «историографии памяти», интерпретируются как вклад ученого сообщества в социально значимую «работу над прошлым».

Ключевые слова: историография, методология истории, историческая память.

Историческая наука во второй половине XX в. прошла через несколько методологических поворотов: среди них выделяют «социологический», «антропологический», «лингвистический», «когнитивный», «интерпретативный», «постмодернистский»... Каждый из таких поворотов мог выражаться в изменении проблематики исследований, круга источников и исследовательского инструментария, системы междисциплинарных связей; переосмыслению подвергались представления о познавательных возможностях истории и их границах, о роли самого историка в процессе познания прошлого, о способах трансляции исторического знания и о социальной миссии исторической науки¹.

В числе методологических поворотов, кардинально изменивших облик современной исторической науки, исследователи все чаще выделяют «мемориальный поворот», развернувшийся на рубеже XX – XXI вв. (пишут также о «мемориальном уклоне», о «парадигме памяти» в современном социально-гуманитарном знании, и даже о современности как «мемориальной эпохе»²). Сущность этого поворота состоит в том, что предметом исследования для историков все чаще становится не историческое событие или явление как таковое, а сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции³.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 14-01-00418.

¹ Зверева 1999; Репина 2011; и др.

² Про 2000. С. 312; Хаттон 2003. С. 33-50; Васильев 2008; Нора 2005. С. 395.

³ Репина 2005.

Мемориальный поворот назревал в европейской культуре на протяжении всего XX века⁴. Травмы, связанные с мировыми войнами и невиданным массовым насилием, разрыв исторического континуума, утрата привычных структур идентичности, ощущение невозможности возвращения к былому или же, напротив, недостижимости проектов будущего, – все это вело к актуализации темы памяти в культуре. Поэтому мемориальный поворот можно воспринимать не только как новую тенденцию в исторической и других гуманитарных науках, но и как показатель перемен в самом обществе, как одно из проявлений широкого «мемориального движения» или, по удачному выражению П. Нора, «всемирного торжества памяти»⁵. «Мемориальное движение» проявляется в интересе разных социальных групп к поискам своих «корней»; в небывалом размахе коммеморативных практик, в создании разнообразных «институций памяти»⁶. Другой стороной этих процессов в современном мире стала активизация «исторической политики» во всех ее формах, в том числе «войны памяти» между соседними государствами и принятие «мемориальных законов», предполагающих административную или даже уголовную ответственность за публичное выражение тех или иных взглядов на прошлое⁷. Исследования, посвященные исторической памяти, тем самым включаются не только в «узкий» научный, но и в «широкий» социокультурный контекст; более того, многие их особенности могут быть поняты именно с учетом этого широкого контекста.

Достаточно очевидны причины, по которым исследования исторической памяти оказались актуальными в современной России. В числе этих причин – неоднократные «ревизии прошлого»⁸, которые предпринимались на протяжении исторического пути нашей страны от 1917 г. до 2000-х гг., а также усилия современных политиков и политтехнологов по формированию новой непротиворечивой версии «общего прошлого». Тема исторической памяти (а также «войн памяти», «фальсификаций прошлого» и борьбы с ними, взаимоотношений историка и власти, проектов «единого учебника истории») в наши дни находится в центре острых общественных дискуссий, широко обсуждается в СМИ и блогосфере. Многие представители нашей профессии так или иначе вовлечены в «мемориальное движение», но выбирают в нем для себя разные роли: хранителя и интерпретатора исторической памяти общества –

⁴ Потапова 2012.

⁵ Нора 2005.

⁶ Нора 1999.

⁷ Копосов 2011. С. 39, 41, 51.

⁸ Хмелевская 2004. С. 7.

или же активного участника и инициатора общественно значимых коммемораций, бойца на фронтах «войн памяти»; эксперта, критически оценивающего содержание тех или иных проектов «общего прошлого», – или же мемуариста, «носителя памяти», наделенного более острой способностью к рефлексии, чем его современники.

Показателями актуальности «мемориальной» проблематики в современной отечественной науке стали: публикация монографий и коллективных сборников, продолжающихся изданий и тематических выпусков журналов, проведение конференций и организация научных школ⁹. Изучение исторической памяти в современном научном сообществе (далее я буду использовать понятие «историография памяти») стало полем сотрудничества представителей многих гуманитарных дисциплин, над ним успешно работают не только историки, но и социологи, политологи, психологи, культурологи, антропологи; этот список можно продолжить.

С точки зрения Е.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого, авторов историографического обзора, посвященного изучению исторической памяти в современной отечественной науке, общая методология и даже терминология в данной сфере исследований до сих пор не сложились: «Исследования памяти являют яркий пример “раскошенной историографии”, это сотни камерных работ, посвященных отдельным аспектам и объектам исторической памяти, авторы которых, как правило, мало интересуются текстами и темами друг друга, используют мало согласуемые методологические подходы и терминологию»¹⁰.

В исследованиях И.М. Савельевой и А.В. Полетаева также неоднократно отмечалось отсутствие исследовательского консенсуса в изучении исторической памяти. Как подчеркивали они, само понятие «историческая память» «по-разному интерпретируется отдельными авторами: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции..., как индивидуальная память о прошлом, как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах, как “коллективная память” о прошлом, если речь идет о группе, и как “социальная память”, когда речь идет об обществе, как идеологизированная история..., наконец, просто как синоним исторического сознания»¹¹.

Цель предлагаемого исследования состоит в том, чтобы выяснить, можно ли в настоящее время говорить о сложившейся отече-

⁹ Захаров 2013; Курилла 2014; Ростовцев, Сосницкий 2014.

¹⁰ Ростовцев, Сосницкий. 2014. С. 117.

¹¹ Савельева, Полетаев 2008. С. 68-69.

ственной научной традиции в изучении исторической памяти; сформировались ли в этой сфере исследований общее методологическое поле, проблематика исследований, терминология и т.д. В соответствии с этим важно выяснить следующее: как отечественные исследователи трактуют социальную природу памяти? Какие группы, сообщества или же индивиды рассматриваются в качестве «субъекта», «носителя» исторической памяти? На каких источниках базируется изучение исторической памяти, и какие методы предлагаются для работы с этими источниками? Наконец, каков «вопросник» исследователя, обращающегося к этим источникам, – иными словами, что мы пытаемся выявить, изучая историческую память?

Для поиска ответов на эти вопросы я обращаюсь только к отечественным исследованиям, посвященным исторической памяти самого российского общества (за исключением немногих особо оговоренных случаев). На мой взгляд, именно при обращении к сюжетам, связанным с прошлым своей страны, наиболее рельефно выступает рефлексивная природа исследований по исторической памяти: при осуществлении таких исследований учеными руководит не только познавательный интерес, но и стремление понять, каковы мы сами, каковы структура и содержание нашей исторической памяти, что и как мы помним о прошлом – а что предпочли бы забыть.

Большинство российских исследователей, занимающихся данной проблематикой, при обосновании **теоретико-методологической основы своих исследований** ссылаются на труды зарубежных «отцов-основателей» мемориального поворота. Среди тех, чьи труды в наибольшей степени повлияли на методологический инструментарий и понятийный аппарат российских авторов – М. Хальбвакс (концепция социальной, интересубъектной природы памяти); Я. Ассманн (разграничение «культурной» и «коммуникативной», «холодной» и «горячей» памяти); Б. Андерсон и Э. Хобсбаум (концепции «воображенных сообществ» и «изобретения традиции»); Й. Рюзен (концепция кризисов исторического сознания); и, конечно же, П. Нора и его соратники по знаменитому проекту «Места памяти».

Из отечественных ученых, чьи методологические подходы являются востребованными в современной «историографии памяти», следует назвать Ю.М. Лотмана и его семиотику культуры; А.С. Ахиезера и его концепцию «маятника инверсии»; Ю.А. Леваду, предложившего разграничивать при изучении сознания наших современников «программу опыта» (оценку средств, избираемых для достижения тех или

иных целей) и «программу культуры» (базовые ценности, определяющие значимость самих целей). Можно отметить также подход А. Эткинды и предложенное им методологически продуктивное разграничение «твердой» и «мягкой» памяти общества. Под «твердой» памятью исследователь подразумевает образы и символы прошлого, воплощенные в монументальной форме и получившие тем самым статус «общепризнанных», находящихся под контролем государства; под «мягкой» – память, хранящуюся в форме текстов, личных воспоминаний, которая принадлежит гражданскому обществу¹².

Приведенный перечень значимых имен и востребованных концепций дает возможность увидеть некоторые важные особенности отечественной «историографии памяти».

Прежде всего, в современных исследованиях подчеркивается связь памяти с идентичностью (не только персональной, но социальной, коллективной). Идентичность при этом трактуется не как нечто изначально данное, а как находящееся в процессе созидания, нуждающееся в постоянном поддержании, подвластное конструированию. Это, постмодернистское по своей сути, понимание идентичности легло в основу исследований, посвященных «исторической политике», то есть феномену использования истории в политических целях, ярко проявившемуся в начале XXI в. Сквозной темой целого ряда исследований стала историческая память как объект активного формирования, конструирования, манипуляций; в лексикон современного исследователя прочно вошли понятия «политика памяти» и «войны памяти» / «мемориальные войны». Так, исследования Г.А. Бордюгова, Е.С. Сенявской и А.С. Сенявского посвящены «войнам памяти» на внешнеполитической арене (на постсоветском пространстве, в «постсоциалистическом» мире, наконец, во всех странах-участницах двух мировых войн)¹³. «Историческая политика» является предметом анализа в монографии Н.Е. Копосова, коллективных проектах, сборниках под редакцией А.И. Миллера и И. Герасимова¹⁴. В фокусе рассмотрения оказываются такие средства воздействия на историческую память общества, как публичные дискурсы, ритуалы и практики коммеморации (наиболее выразительные примеры – снос или воздвижение монументов), преподавание истории (прежде всего в школе), презентации исторических сюжетов в кино и на телевидении¹⁵. В таких исследованиях

¹² Эткинды 2004.

¹³ Бордюгов 2011; Сенявская 2006; Сенявская, Сенявский 2007.

¹⁴ Копосов 2011; Империя и нация...; Историческая политика...

¹⁵ Историческая политика... С. 15-17.

происходит стирание традиционной грани между «историей», которая занимается прошлым, и «политикой», которая имеет дело с настоящим.

Безусловно, работы по исторической политике обладают своей специфической исследовательской оптикой. В качестве основных «действующих субъектов» или «актеров» в этих работах рассматриваются, как правило, политические силы – правительства и партии, политические лидеры, СМИ, комиссии и другие «институты памяти», а историческая память общества часто предстает в них как пассивный объект воздействия. Чтобы избежать опасной иллюзии всемогущества политических технологий, исследователю важно задаваться вопросом: какие условия нужны, чтобы те или иные «проекты» моделирования памяти оказались успешны или же, напротив, потерпели крах? Необходима ли для этого некая предрасположенность – или даже встречная активность – со стороны самого общества? Не случайно в сборнике под редакцией А. Миллера и М. Липман ставится проблема сопротивления исторической политике со стороны членов научного сообщества, а составители сборника «Империя и нация в зеркале исторической памяти» отмечают наличие соперничающих «памятей» (локальных, региональных, коллективных, частных) внутри одного и того же общества¹⁶.

Проблема «субъекта» или «носителя» исторической памяти в современной отечественной науке является дискуссионной. Так, с точки зрения И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, сами термины «коллективная память, социальная память, культурная память, историческая память» являются не слишком удачными: при употреблении этих концептов невольно возникают архаичные представления об антропоморфном «коллективном субъекте»¹⁷. «Конечно, можно использовать метафору “историческая память”, чтобы подчеркнуть, что общество “помнит” о своем прошлом, “хранит в памяти” события своей истории, – писали они, – но на самом деле знания запечатлены в текстах и других материальных носителях, а память – это способность индивидуальной психики»¹⁸. Поэтому в трудах самих И.М. Савельевой и А.В. Полетаева мы встречаем иные термины: «обыденные представления о прошлом», «массовые социальные представления о прошлом» или «массовое знание о прошлой социальной реальности»¹⁹.

Н.Е. Копосов полемизирует с подобным подходом: «Говоря о коллективном сознании, мы вовсе не обязаны постулировать суще-

¹⁶ Империя и нация... С. 9.

¹⁷ Савельева, Полетаев 2005. С. 184-192.

¹⁸ Савельева, Полетаев 2008. С. 64-69.

¹⁹ Савельева, Полетаев 2003. С. 242; 2005. С. 170-220.

ствование «народной души» или чего-то подобного. Можно ограничиться допущением высокой степени сходства между некоторыми индивидуальными сознаниями и интенсивности взаимодействий между ними». Эти взаимодействия проявляются в том, – продолжает исследователь, – что «ценности и интересы коллектива незаметно для субъекта налагают отпечаток на вспоминаемое, превращая его тем самым в социальный конструкт и обеспечивая определенное сходство воспоминаний разных людей»²⁰. Как уточняет Б. Дубин, «“память” здесь адекватнее понимать как метафору либо гнездо метафор»; в действительности речь идет об изучении «*социальных рамок памяти*», то есть о «соотношении общественных сил и положения отдельных групп с их предпочтениями и оценками, ресурсами действия и понимания», и о том, как при изменениях конфигурации общественных сил смещаются векторы самоидентификации людей – трансформируется «образ макросоциального целого, общего “мы”»²¹.

В качестве «субъекта» исторической памяти могут выступать группы, выделенные по самым разным критериям. Так, предметом анализа является память крупных социальных групп – дворянства и крестьянства, память групп, выделенных по гендерному или возрастному принципу (например, женщин или детей), память профессиональных или субкультурных сообществ (например, университетской корпорации), наконец, память людей, которых объединил общий опыт – как правило, травматический (память эмигрантов, узников ГУЛАГа или нацистских концлагерей, ветеранов мировых или локальных войн). Все более актуальным становится также «поколенческий» подход к изучению памяти²². Особый блок исследований составляют работы, посвященные семейной памяти, а также памяти автобиографической. Наконец, в ряде работ предметом исследования является память современного российского общества «в целом».

Тема взаимодействия различных групп, «субъектов памяти» при формировании «образов прошлого» поднимается в целом ряде исследований. А.В. Святославский выделяет несколько субъектов, во взаимодействии которых формируется историческая память общества: во-первых, государство и иные политические силы; во-вторых, социальные группы и индивиды; наконец, в-третьих, научное сообщество, выступающее в роли эксперта²³. В статье А.В. Антощенко, посвященной исто-

²⁰ Копосов 2011. С. 23-24.

²¹ Дубин 2004.

²² «Работа над прошлым»...

²³ Святославский 2012. С. 289.

рии знаменитого новгородского монумента «Тысячелетие России», также очерчивается своеобразный «треугольник» субъектов исторической памяти: власть как носительница определенной политической стратегии – художник со своей эстетической стратегией – и, наконец, научное сообщество, обладающее собственной эпистемологической стратегией познания прошлого²⁴. Работа С.А. Еремеевой посвящена памятникам деятелям науки и искусства, воздвигнутым в России в XIX в.; здесь в качестве заказчиков и инициаторов коммеморативных акций, «субъектов памяти», выступают государство и узкие круги местных элит, но успешность проектов измеряется тем, насколько адекватным было восприятие памятников в сознании рядовых горожан²⁵. В исследованиях, посвященных мемориальным репрезентациям Великой Отечественной и Афганской войны, в качестве «субъектов мемориальной деятельности» выступают государство, боевые товарищи, земляки и близкие погибших; подчеркивается, что для каждой из этих групп коммеморации выполняют разные задачи и наделены различным смыслом, выражая триумф, скорбь или покаяние²⁶. В этих исследованиях прослеживается, как в результате напряженного диалога, взаимодействия или соперничества нескольких субъектов возникает, казалось бы, самая статичная форма сохранения памяти о прошлом – памятник монументального искусства; монументальное произведение предстает в таком случае как плод своеобразного «общественного договора» или, напротив, как зримый показатель отсутствия социального консенсуса.

Источники, на основании которых историки реконструируют и анализируют историческую память, разноплановы по своему характеру. Для исследователя, обратившегося к изучению памяти наших современников, ценный источник представляют материалы социологических опросов. Так, серия исследований Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина построена на материалах регулярных опросов ВЦИОМ, ВЦИОМ-А, Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра), каждый из которых охватывает репрезентативную выборку от 1000 до 4500 человек. В работе Н.Е. Копосова «Память строгого режима» используются материалы опросов, осуществленных Академией общественных наук при ЦК КПСС (1990 г.), Фондом общественного мнения, ВЦИОМ / Левада-Центром, Социологическим центром Российской академии государственной службы, Фондом Карнеги, а также опроса, проведен-

²⁴ Антощенко. 2005. С. 396–418.

²⁵ Еремеева 2012. С. 499–532.

²⁶ Конрадова 2005; Данилова 2005.

ного самим историком и его коллегами на «репрезентативных городских выборках» в трех российских городах. На опросы Академии общественных наук при ЦК КПСС (1990 г.) и на данные Российского независимого института социальных и национальных проблем (опрос 1996 г.) ссылается Ж.Т. Тощенко²⁷.

Очевидные преимущества этого вида источников заключаются в том, что они дают возможность взять для изучения достаточно широкий срез общественного мнения и проследить картину в динамике: некоторые опросы проводятся регулярно на протяжении более чем двадцати лет. Современные социологические методики позволяют не только зафиксировать изменение отношения граждан России к отдельным политическим фигурам, событиям и явлениям прошлого, но и увидеть эти перемены в контексте других процессов: изменения ценностных ориентиров, социальных потребностей, горизонта ожиданий и т.д.

Следующая специфическая группа источников, обращение к которой стало своеобразной жанровой приметой «историографии памяти», – материалы устной истории. Значимость и огромный информативный потенциал этого вида источников были оценены историками относительно недавно, с середины XX века. Устная история перевернула смысловую иерархию исторического исследования: в качестве носителей уникального исторического опыта предстали не крупные общественные деятели, а «обычные люди», рядовые участники и свидетели поворотных событий прошлого.

Важная особенность отечественной традиции изучения исторической памяти состоит в том, что обращение к изучению устной, «живой», коммуникативной памяти о прошлом в нашей стране началось не с гуманитарных наук, а с литературы и журналистики. В 1970–1980-е годы, на изломе советского периода, сложился особый литературный жанр: документальная повесть, основанная на записях рассказов живых свидетелей, переживших запредельный, трагический опыт. Этот жанр, для которого было найдено свое название – «жанр человеческих голосов», – был представлен «Блокадной книгой» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, книгами Светланы Алексиевич («У войны не женское лицо», «Последние свидетели» и др.)²⁸. Традиции «жанра человеческих голосов» продолжает и современная российская литература – правда, в форме работы уже не с устными рассказами, а с письменными авторскими повествованиями, слагающимися в «полифоническую повесть» (литера-

²⁷ Тощенко 2000.

²⁸ Алексиевич 1988; Адамович, Гранин 1982.

турные проекты Л. Улицкой, Б. Акунина)²⁹. Именно литераторы первыми в нашей стране осознали ценность воспоминаний «рядовых», «незаметных» людей; именно им принадлежат ценные методологические наблюдения относительно изучения человеческой памяти.

Личные свидетельства современников, полученные в результате интервьюирования, используются как незаменимый источник в исследованиях, посвященных семейной памяти. На материалах биографических интервью и личных воспоминаний (около ста глубинных интервью с выходцами из дворянских семей 1905–1918 годов рождения) построено исследование С.А. Чуйкиной «Дворянская память: “бывшие” в советском городе»³⁰; материалы, полученные в результате глубокого интервьюирования и письменного анкетирования, легли в основу коллективного проекта челябинских историков, посвященного трансляции семейной памяти в «век катастроф»³¹; И.В. Нарский взял на себя миссию интервьюера в ходе предпринятой им реконструкции истории собственной семьи³². В каждом из этих исследований материалы устной истории позволяют не только получить уникальные сведения о жизненном опыте других поколений и реконструировать уходящую фактуру повседневной жизни, но и выявить гибкую взаимосвязь индивидуальной памяти и «социальных рамок» воспоминаний.

На первый взгляд такие виды источников, как социологические опросы и материалы устной истории, диаметрально противоположны друг другу: в одном случае человек предстает как усредненная статистическая единица, в другом – как носитель неповторимых индивидуальных воспоминаний, личностной истории. Тем не менее, эти группы источников обладают важными общими особенностями. Когда историк проводит опрос, осуществляет анкетирование или берет интервью у своих информантов, он тем самым лично участвует в формировании источниковой базы своего исследования, задает ее структуру, определяет, какую именно информацию он рассчитывает получить. (Как замечает С.А. Эрлих, «даже самые убежденные сторонники социологии признают, что характер вопроса существенно влияет на ответ»³³). Позиция историка по отношению к источнику в данном случае несравненно более активна, чем в рамках классической парадигмы исторического знания; диалог между исследователем и героем его исследования перестает

²⁹ Детство 45-43; Фото как хокку...

³⁰ Чуйкина 2006.

³¹ Нагорная 2004.

³² Нарский 2008.

³³ Эрлих 2009. С. 15.

быть метафорой и становится реальностью, а субъектность историка самым наглядным образом воздействует на исследовательский процесс.

В исследованиях, посвященных изучению исторической памяти, активно используются и разные виды «традиционных» исторических источников: письменные источники личного происхождения (дневники, мемуары, письма), делопроизводственные документы (например, сводки спецслужб о «настроениях» населения), материалы периодической печати (прежде всего корреспонденции «с мест»)… Характер этих источников во многом зависит от того, насколько изучаемая социальная группа была заинтересована в сохранении своей исторической памяти и какими культурными навыками располагала для осуществления этой задачи. Например, среди узников ГУЛАГа были представлены практически все социальные группы советского общества 1920–1940-х гг., но при этом группа мемуаристов, оставивших воспоминания о своем лагерном опыте, была достаточно однородна по своему социальному составу: как отмечает И.Л. Щербакова, «это в большей степени уцелевшие партийные и советские работники среднего звена или представители городской советской интеллигенции, арестованные, как правило, в годы Большого террора (1937–1938)». (Именно в силу общности социального опыта и культурных установок, по мнению исследовательницы, мемуары бывших узников «как бы сливаются в один гипертекст – с дополнениями, уточнениями, продолжениями, а иногда с одними и теми же героями»)³⁴. При обращении к памяти семейств с дворянскими корнями исследователи описывают такие виды источника, как генеалогическое древо или «семейные хроники», которые вели члены семьи на протяжении жизни нескольких поколений; здесь перед нами классический тип источника-памятника, созданного в расчете на восприятие потомков (работы С.А. Чуйкиной, Ю.А. Хорлиной и И.В. Нарского). В некоторых случаях само возникновение источников-памятников, основанных на семейных воспоминаниях, было инициировано в ходе общественных акций или исследовательских проектов: так, в основу исследований И.Л. Щербаковой и И. Прусс легли 15000 работ старшеклассников, присланных в период с 1999 по 2005 гг. на ежегодный исторический конкурс общества «Мемориал» «Человек в истории. Россия – XX век»³⁵.

Для реконструкции социальной памяти массовых слоев населения города и деревни ценными источниками оказываются документы такого специфического жанра, как «письма во власть» – жалобы и обращения,

³⁴ Щербакова 2004. С. 174–177.

³⁵ Щербакова 2005; Прусс 2005.

занимающие промежуточную нишу между делопроизводственными и личными источниками (например, в исследовании И.Е. Козновой о социальной памяти крестьянства), а также материалы историко-этнографических экспедиций (у той же И.Е. Козновой, принимавшей участие в исследованиях деревни Европейского центра России в 1992–1998 гг.) и фольклористических обследований (так, работа А.С. Майер построена на сопоставлении «городских легенд», записанных соответственно в 1914–1925 и в 2000–2007 гг.)³⁶. Во всех названных случаях не только содержание, но уже сам тип источника свидетельствуют о тех формах, в которых сохранялась социальная память изучаемой группы населения, о мировоззренческих горизонтах и степени рефлексии респондентов.

Особую группу источников, весьма информативных для изучения состояния исторической памяти современного общества, составляют Интернет-ресурсы. Такие источники все активнее используются в научной литературе последних лет, но обычно носят вспомогательный характер: ссылки на них приводятся, чтобы проиллюстрировать выводы и наблюдения, сделанные на материалах других, «традиционных» источников. Новаторским является исследование С.Е. Эрлиха о восприятии декабристов в современной России, целиком построенное на Интернет-источниках. Настаивая на том, что Интернет открывает немислимые для «цивилизации Гутенберга» перспективы изучения общественного сознания, Эрлих призывает научное сообщество «выработать методы интернет-источниковедения, которые позволят гуманитариям соответствовать требованиям современности»³⁷. Заслуживает внимания предложенная классификация Интернет-источников, построенная на сопоставлении их с традиционными историческими источниками: чаты и форумы Эрлих трактует как аналог стенограммы; электронную почту и публичные гостевые книги – как электронный аналог писем; блогосферу – как аналог дневников. В результате весь массив Интернет-источников предстает как «совокупность средств кибернетического выражения “мнения народно-го”» (по крайней мере, уточняет Эрлих, мнения молодой и грамотной в компьютерном отношении части населения, которая «в ближайшие годы будет общественной элитой, творцами новой России») ³⁸.

Характер источников, привлекаемых для изучения памяти, предопределяет выбор применяемых **методов**. Их диапазон постоянно расширяется за счет «использования методов и наработок смежных

³⁶ Майер 2008; 2008 (дисс.).

³⁷ Эрлих 2009. С. 15, 17.

³⁸ Эрлих 2009. С. 17-19.

социальных и гуманитарных наук – социальной и исторической психологии, социологии, культурной антропологии, лингвистики»³⁹. Так, статистические или количественные методы применяются для анализа больших массивов количественных данных, результатов социологических опросов, числа упоминаний каких-либо персонажей или событий в источниковом массиве и т.д. Методики устной истории – например, часто используемые методы «глубинного» (нестандартизированного), «жизненного» интервью, а также приемы исследовательской работы с собранными материалами, позволяющие выявить скрытые пласты информации, – почерпнуты из смежных дисциплин: социологии, антропологии, психологии и даже психоанализа. При обработке информации биографического характера могут применяться контент- и инвентаризационный метод (исследование возможно большего числа автобиографических материалов под углом зрения изучаемой проблемы)⁴⁰. Для работы с текстовыми источниками современный историк располагает богатым арсеналом методов, выработанных в русле «новых подходов к интерпретации культуры и концепции дискурса, порожденных эпохой постмодернизма»: таковы, например, дискурсивный метод анализа исторических источников или же подход интерпретативной школы гуманитарных исследований, предполагающий пошаговый путь от филологического, лингвистического, грамматического и тропологического анализа к интертекстуальному прочтению источника⁴¹. Метод «плотного описания», пришедший из этнологии, оказывается уместным при изучении исторических представлений «безмолвствующего большинства», «маленького человека» (в тех случаях, когда для реконструкции «культурных кодов» людей прошлого необходимо изучение самых разнообразных социальных действий этих людей)⁴². Для изучения автобиографической памяти человека возможно проведение эмпирических исследований по проективным методикам В.В. Нурковой (построение респондентом своей «линии жизни» или работа с «сущностными» фотографиями)⁴³.

Отметим, что многие из этих методов применимы (или даже специально разработаны) для обработки таких источников, которые, будучи массовыми по своему происхождению, в то же время содержат

³⁹ Поршнева 2004. С. 26.

⁴⁰ Нагорная 2004. С. 230.

⁴¹ Поршнева 2004. С. 22-37.

⁴² Нарский 2001.

⁴³ Нуркова 2000; Нуркова 2006; 2009.

информацию индивидуального характера; методы работы с подобными источниками будут востребованы и в будущем по мере развития технологической и информационной революции.

Наконец, при изучении личной памяти исследователь может прибегнуть к самонаблюдению и самоанализу – методам, до сих пор редко встречавшимся в арсенале историка (одним из проявлений «мемориального движения» в современном российском обществе стала публикация мемуаров многих известных российских историков). Вопрос о том, «какое место в кругу других источников должны занимать личные наблюдения и воспоминания историка, если он, конечно, пишет о современных ему событиях и явлениях?», стал уже предметом методологической рефлексии историков⁴⁴.

Примером нестандартного ответа на этот вопрос может служить работа И.В. Нарского «Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман)». В этой книге, определенной самим автором как «автобиографический эго-документ», соединяются несколько тематических пластов: детские воспоминания автора; реконструкция его семейной истории; очерки советской повседневности; методологические эссе, посвященные проблемам интерпретации визуальных изображений и изучения индивидуальной и коллективной памяти; наконец, «дневник исследователя» – история созревания замысла книги и его поэтапного воплощения. Создание научного текста является здесь и предметом исследовательской рефлексии («строительные леса» остаются на виду даже после того, как здание возведено), и экзистенциальным событием («возвращением к себе, узнаванием себя»⁴⁵), и актом семейной коммуникации. В современной историографии книга Нарского интерпретируется как пример новаторской «самодиагностики» историка, где историк позиционирует себя не как «идеального наблюдателя», рассматривающего исторический процесс с объективных позиций, а как одно из действующих лиц истории, чье «я» включено в изучаемые им процессы⁴⁶.

В целом же методы, используемые в «историографии памяти», нацелены на то, чтобы обнаружить в источниках не только явные, но и скрытые смысловые пласты – «видимое, но не замечаемое». Исследователя в данном случае интересует не только то, о чем вспоминают люди и насколько достоверна сообщаемая ими информация, но прежде все-

⁴⁴ Савчук. 2011.

⁴⁵ Нарский 2008. С. 486-487.

⁴⁶ Кукулин 2008. С. 223-224.

го – то, какая ментальная картина мира, «культурные коды, система представлений и ценностей “маленького человека”» встает за его воспоминаниями⁴⁷. Как комментирует И.Л. Щербакова, «это представляет вечную проблему правды и лжи в воспоминаниях в несколько ином свете. Сегодня нам уже не так важно доказать, что то, что человек пишет, неправда... Гораздо более существенно понять, почему он лжет, какие у него срабатывают механизмы вытеснения и самооправдания. Почему он именно так, а не иначе, моделирует свою биографию»⁴⁸...

Итак, что же стремится выявить современный историк, обратившись к изучению исторической памяти? Какова проблематика и «вопросник» этих исследований?

Обобщающим исследованием по «мемориальной тематике», освещающим всю историю нашей страны, является книга А.С. Святославского «История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов». С тематической точки зрения эта работа посвящена исключительно истории коммеморации (культуры намеренного увековечения), воплощенной в «недвижимых объектах рукотворной среды обитания» – мемориалах, памятниках, некрополях; хронологически она охватывает огромный период – от Киевской Руси до наших дней. Организующим принципом исследования служит концепция «ряда социокультурных парадигм», или «парадигм памяти», сменявших друг друга на протяжении многих веков; каждой из этих парадигм памяти присущи свои формы коммеморации, свои представления о том, что/кто подлежит увековечению, свои организаторы и инициаторы коммемораций, наконец, свой художественный стиль.

Каждый период российской истории, по Святославскому, характеризовался не однозначным преобладанием той или другой парадигмы, а скорее соперничеством или «причудливым сплетением» нескольких разных парадигм: так, период Древней Руси и Московского царства был временем формирования церковно-православной и народно-бытовой парадигм памяти; для имперской эпохи было характерно смешение классицистической и церковно-православной парадигм; в советскую эпоху установка на инновационность культуры вступала в противоречие с традиционными формами коммемораций, унаследованных от имперского периода; наконец, монументальное искусство современности предстает как «среда, в которой православные, античные, советские и разного рода эклектические модернистские формы причудливо спле-

⁴⁷ Нарский 2001.

⁴⁸ Щербакова 2004. С. 184.

лись... нередко потеряв в массовом сознании (да и в сознании самих авторов...) изначальный смысл»⁴⁹. В основе же любой «парадигмы памяти», как убежден Святославский, заложены определенные мировоззренческие установки – представления о жизни, смерти и бессмертии⁵⁰.

В целом ряде работ в фокусе исследовательского внимания оказываются **временные структуры памяти**: темпоральная глубина исторической памяти той или иной группы респондентов; наличие «разрывов» и «пробелов» в их картине прошлого; представления респондентов о грани между «раньше» и «теперь»; восприятие ими хода времени.

Так, в монографии И.Е. Козновой предпринята попытка выявить временные структуры социальной памяти российского крестьянства. Изучив воспоминания и свидетельства, записанные на протяжении четырех различных исторических периодов: 1920-х, 1930–1940-х, 1950–1960-х и, наконец, 1990-х гг., исследователь приходит к выводу, что «у крестьянства в XX в. – *собственное историческое время*», которое формируется оппозицией «раньше» и «теперь». При этом крестьянская память редко «опускается глубже самого XX века». Граница между «раньше» и «теперь» в крестьянской памяти является подвижной, а прошлое подвергается мифологизации: в 1920-е годы крестьяне вспоминали дореволюционную жизнь как «золотой век», в 1930-е годы как «золотой век» воспринималось время нэпа, в 1950-е гг. в роли «золотого века» в крестьянской памяти выступала довоенная пора, а в 1990-е гг. роль «золотого века» перешла к брежневскому периоду. Но в любом случае, подчеркивает исследователь, образы «раньше» и «теперь» в крестьянской памяти несут этическую, эстетическую и даже онтологическую нагрузку: «раньше» воспринимается как синоним «прочности, устойчивости, порядка», «чистоты и красоты», «теперь» – как время распада моральных ориентиров и социальных связей⁵¹. В работе О.Ф. Шаталовой о памяти белорусских крестьян (написанной по проведенным в 2002–2004 гг. опросам людей 1907–1931 годов рождения) сделан вывод, что прошлое в памяти этой социальной группы предстает как череда пережитых трагедий и катастроф; в их ряду – Первая мировая война, распад империи и «приход Советов», репрессии, Вторая мировая война, взрыв на Чернобыльской АЭС, распад СССР. Каждое такое событие, доказывает исследовательница, воспринималось крестьянами как «апокалиптическое», поскольку каждое из

⁴⁹ Святославский 2013. С. 462.

⁵⁰ Святославский 2013. С. 462-463.

⁵¹ Кознова. 2000. С. 115-128, 161-170, 182-188 и др.

них приводило к необратимым переменам, вынуждало менять адаптационные практики и жизненный ритм, формировало привычку «подсознательно готовиться к возможно худшим жизненным перспективам»⁵². Представления российских и белорусских крестьян о ходе истории, как их воссоздают ученые, оказываются полностью противоположны привычным стандартам «прогрессистского» мышления.

Важные выводы о темпоральных структурах памяти современного российского общества сделаны в работах Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина, построенных на материалах социологических опросов. Так, в исследованиях Б.В. Дубина (выполненных на сравнительных данных опросов 1989, 1994, 1999, 2003 гг.) воссоздается «конструкция культурного времени россиян», «представленная и зафиксированная мерами и метками общего, пережитого сообща времени». Как отмечает социолог, «началом» этого общего времени в массовом сознании является Октябрьская революция, «концом» – распад СССР и последовавшая за ним чеченская война; фокусирующей точкой, смысловым центром всей темпоральной конструкции является победа в Великой Отечественной войне; а в качестве «золотого века», «лучшего времени», в котором респондентам хотелось бы жить, выступает брежневский период⁵³. Сходная картина возникает и в других исследованиях: так, «по данным В.Э. Бойкова (2002), полученным в результате опроса 2400 респондентов в 26 субъектах РФ, было выяснено, что наша историческая память, во-первых, неглубока (все упомянутые респондентами события и исторические деятели относятся к периоду с начала XVIII века), во-вторых, тематически ориентирована на военные победы (23% респондентов сообщили, что главным объектом национальной гордости является победа над фашизмом)»⁵⁴. И.В. Нарский также констатирует, что «в большинстве случаев семейная память в современной России простирается лишь до рубежа XIX-XX веков, реже – до середины XIX в., в исключительно редких случаях... – до конца XVIII столетия»; он объясняет это «драматичным ростом социальной подвижности и падением значения родственных связей» на протяжении XX века⁵⁵. Во всех этих случаях анализ темпоральных структур исторической памяти позволяет понять логику формирования коллективной идентичности и ценностных ориентиров современных россиян.

⁵² Шаталова 2010.

⁵³ Дубин 2004.

⁵⁴ Нуркова 2009. С. 16.

⁵⁵ Нарский 2008. С. 481-482.

Коммеморативные практики, способствующие сохранению и трансляции исторической памяти, исследуются в трудах современных ученых в различных аспектах. В целом ряде исследований историческая память трактуется как акт коммуникации – «горизонтальной»/синхронической (между представителями одного поколения, носителями одной культуры) или «вертикальной»/диахронической (между разными поколениями, от старших к младшим). В таких случаях исследователи выделяют «отправителя», «транслятора» воспоминаний о прошлом – и их «получателя», «реципиента»; «рассказчика» и его «аудиторию»⁵⁶. Так, исследования, посвященные семейной памяти (работы С.А. Чуйкиной, И.В. Нарского, В.В. Нурковой и др.), непременно содержат анализ тех практик, которые позволяли передавать эту память от поколения к поколению. В числе таких практик – сохранение домашних архивов и фамильных реликвий, ведение семейных хроник, «семейные сборы» по поводу радостных или скорбных событий, оформление семейных фотоальбомов и особые ритуалы их просмотра, сопровождающегося рассказами-комментариями (без рассказа смысл изображения остается недоступным), трансляция культурных навыков и моральных норм со ссылками на опыт старших поколений и т.д.⁵⁷. С.А. Чуйкина подчеркивает, что именно благодаря таким повседневным практикам в течение XX в. смогла сохраниться социальная память «дворян в советском городе» – сообщества, потерявшего институциональные возможности воспроизводства⁵⁸. С другой стороны, в ее монографии предметом исследования становятся и стратегии «забвения» и «редактирования прошлого», использовавшиеся, чтобы скрыть свое «нежелательное» происхождение: вынужденные миграции, потеря и подделка документов, смена фамилии, приобретение фиктивной биографии, уничтожение документов и вещей, свидетельствующих о символическом статусе семьи, разрыв с родственниками и друзьями, «фигуры умолчания» в общении с младшими поколениями⁵⁹. Таким образом, в исследовании Чуйкиной анализ структур памяти вплетен в социально-исторический контекст, в историю ресоциализации – «жизненной переориентации индивида, его переключения на иной образ жизни и разрыв прежних социальных связей»⁶⁰; обращение к коммеморативным сюжетам позво-

⁵⁶ Свирепо 2004; Хубова 2004.

⁵⁷ Нурков. 2006; Нарский 2008.

⁵⁸ Чуйкина 2006. С. 174-178.

⁵⁹ Чуйкина 2006. С. 159-178.

⁶⁰ Ровный 2004. С. 46-47.

ляет выявить два кардинально различных сценария ресоциализации «бывших» в советском обществе.

Исследования, посвященные социальной памяти корпоративных сообществ (в частности, университетского сообщества), также выявляют набор практик, использовавшихся для сохранения и трансляции памяти. Среди таких практик, выделенных коллективом исследователей на примере Казанского университета, – написание «университетской истории», публичные празднования юбилейных дат, ритуалы чествования и поминовения значимых персон, преемственность корпоративной символики и эмблематики, наделение символическим значением отдельных элементов университетского пространства, обретающих таким образом статус «мест памяти», а также передача из уст в уста корпоративных мифов и преданий, произведений студенческого фольклора, сленга, суеверий и т.д. В результате университетская культура предстает как «плотная паутина значений и смыслов, которые передаются из поколения в поколение многочисленными каналами связи» – официальными и неформальными, но не менее действенными⁶¹.

В ряде недавно опубликованных исследований М.В. Ковалева, В.Ю. Волошиной, Н.Н. Алеврас предметом анализа стали формы сохранения коллективной памяти в русской эмиграции «первой волны»⁶². Несомненно, что эмигрантское сообщество во многом было объединено вокруг общих воспоминаний и общей утраты, равно как вокруг задачи «сохранения национальной идентичности в условиях инонационального и инокультурного окружения». Осознание этой задачи и превращало эмигрантов «первой волны» в особое «воображаемое сообщество», в «Русское Зарубежье»⁶³. В поисках ответа на вопрос, как именно конституировалось это чувство общности, современные историки исследуют «места памяти» эмигрантского сообщества (разнообразные исторические праздники, юбилеи и памятные даты); образы различных эпох и событий отечественной истории в восприятии эмигрантов; «фигуры умолчания» эмигрантской памяти (болезненные воспоминания о революции и гражданской войне); наконец, «конфликты памяти» – ситуации, когда одни и те же события или фигуры исторического прошлого в восприятии разных групп эмигрантов приобретали разное смысловое наполнение. В работах М.В. Ковалева и В.Ю. Волошиной приводятся примеры как «успешных» коммеморативных акций, способствовавших

⁶¹ Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005. С. 496.

⁶² Волошина 2010; Ковалев 2012; Алеврас 2008; Алеврас, Гришина 2004.

⁶³ Ковалев 2012. С. 240-241.

интеграции эмигрантского сообщества, так и «неудачных» коммемораций, замеченных лишь в узком кругу и имевших субкультурный характер. При этом сюжеты, связанные с изучением коммемораций, рассмотрены в ряду других практик социальной адаптации в новой среде.

В рассмотренных исследованиях коммуникативные практики анализируются и как способ трансляции социально значимых воспоминаний, и как средство сохранения символической целостности сообщества; подчеркивается, что в случае утраты коммеморативных практик происходит разрыв связей между поколениями. Челябинские историки в результате изучения современной семейной памяти сделали вывод, что в XX веке «нормальная структура воспоминаний» старшего поколения россиян (как и старшего поколения европейцев в целом) «была в значительной степени нарушена политическими катаклизмами»; что поэтому, в условиях «дефицита памяти», все более существенную роль играют «сконструированные властью институты и практики формирования коллективных воспоминаний», которые «транслируют индивидуальной памяти устойчивое собрание внешних стереотипов и образов»⁶⁴.

Изучение исторической памяти предполагает и такую познавательную процедуру, как исследование **дискурсивных структур памяти**, то есть способов повествования о событиях прошлого и стратегий организации такого рассказа. Изучение дискурсивных структур предполагает разные направления исследования: историка может заинтересовать, например, каким образом организован нарратив, как выбраны «узловые» или «ключевые» события повествования и в какой «сюжет» (по терминологии Хейдена Уайта) они складываются⁶⁵. Так, через целый ряд исследований красной нитью проходит противопоставление двух «языков памяти» о Великой Отечественной войне: «официально-героического», «казенного», «государственно ориентированного» – и «живого», «личного», «лично ориентированного». Как подчеркивают исследователи, если в рамках «официального» дискурса память о войне выступает как инструмент государственного строительства (в полном соответствии с классическими концепциями Э. Хобсбаума и Б. Андерсона), то в русле «личного», «лично ориентированного» дискурса воспоминания о войне являются способом преодоления травматической реакции на испытания военного времени, на страдания и смерть близких⁶⁶.

⁶⁴ Нагорная 2004.

⁶⁵ Репина 2008. С. 15; Савельева, Полетаев 2008. С. 88-99.

⁶⁶ Булыгина 2010.

В современной российской историографии по-прежнему актуальными остаются проблемы, поставленные еще Светланой Алексиевич: как и почему один и тот же человек может рассказывать об одних и тех же событиях прошлого совершенно по-разному, в официально-безличном или же доверительно-исповедальном ключе; как при изменении манеры повествования изменяются смысловые акценты и само содержание воспоминаний⁶⁷. Практически все исследователи, работавшие с устной памятью старших поколений россиян, констатировали феномен своеобразного «двоемыслия», ситуационного «переключения» вспоминающего человека с одного дискурса на другой, с «официального» на «личный» и наоборот – в зависимости от «адресной аудитории» и «культурных функций» повествования⁶⁸.

Таким образом, изучение дискурсивных структур также выводит на проблемы социальных рамок памяти. Во-первых, оно позволяет понять, что память о прошлом по сути своей диалогична, что воспоминания о прошлом всегда предполагают (пусть в скрытой форме) «идеального слушателя», к которому обращен рассказ. Во-вторых, при изучении таких сюжетов можно наглядно проследить, как официальные дискурсы памяти трансформируют личные воспоминания; или, напротив, как обращение к личным пластам памяти позволяет разрушить монолитность официального дискурса.

Анализируя **содержание исторической памяти общества**, исследователи, как правило, оперируют понятиями «образы прошлого» и «исторические мифы». К настоящему времени сформировался целый жанр «исторической имагологии» – исследований, в центре которых находится образ каких-либо ярких исторических персонажей (обычно тех, оценка чьей исторической роли является предметом общественных дискуссий: Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Великого, Е.Ф. Азефа, И.В. Сталина и др.)⁶⁹. Предметом исследования при этом могут быть не только индивидуализированные, но и типизированные образы исторической памяти: например, «образ другого» и особенно «образ врага»⁷⁰. Жанр «исторической имагологии» предполагает анализ того, как тот или иной образ эволюционировал во времени, встраиваясь в различные идеологические и историографические

⁶⁷ Алексиевич 1988. С. 75.

⁶⁸ Гудков 2005; Щербакова 2005; Прусс 2005; Кормина 2005; и др.

⁶⁹ Данилевский 2005; Леонтьева 2010; Леонов 2013. С. 191-199; Святославский 2012. С. 288-313; и др.

⁷⁰ Сенявская 2006; Волков 2008.

дискурсы; как изменялась при этом семантическая нагрузка и художественная трактовка образа.

Категория «исторического мифа» или «мифов исторической памяти» на сегодняшний день стала едва ли не ключевой в инструментарии исследователей, занимающихся проблемами исторической памяти; но при этом разные историки вкладывают в это понятие несхожее, порой даже противоположное содержание. С одной стороны, мифологию часто рассматривают как одну из форм архаичного исторического сознания. С другой стороны, под «историческим мифом» могут подразумевать утверждения, которые являются продуктом мистификации или идеологической манипуляции, но воспринимаются обществом в качестве непреложного факта (самый невинный пример – «Екатерина II продала Аляску американцам») ⁷¹. В силу этих причин часть исследователей испытывает потребность ввести какое-либо новое понятие, позволяющее разграничить мифы традиционного общества и мифы общества современного; так, А.Д. Лашевская предлагает термин «фальшструкт» для обозначения мифологизированных представлений о прошлом, целенаправленно созданных в современном массовом обществе и служащих легитимации существующих политических режимов ⁷².

Однако чаще мифы трактуются в ракурсе культурно-антропологического подхода: как способы восприятия реальности, присущие архаичному сознанию, но способные актуализироваться в современных условиях. В таком случае «исторические мифы» выступают в исследованиях как образно-символическое видение прошлого, необходимое для осознания коллективной идентичности того или иного сообщества, репрезентации его целостности, очерчивания его воображаемых границ (в этом же смысле используется понятие «идентификационные мифы»). Классический пример тому – «мифы происхождения» или «мифы сотворения», то есть легендарные или полULEГЕНДАРНЫЕ представления о происхождении того или иного народа или государства (например, «сарматский миф» как основа нововременной польской идентичности или «кельтский миф» как основа идентичности шотландской) ⁷³.

Как показывают исследования, мифологизации в общественном сознании могут подвергаться реальные исторические события – при условии, что обращение к этим сюжетам служит способом манифестации ценностей, значимых для какой-либо социальной группы. Так,

⁷¹ Конорев 2012.

⁷² Лашевская 2013.

⁷³ См., напр.: Исторические мифы... 2007.

согласно работам С.Е. Эрлиха, для русской интеллигенции ключевым «идентификационным мифом» является «декабристский миф», основанный на представлении о том, что политическое поражение может обернуться моральной победой⁷⁴. Как показали в своих исследованиях Б.В. Дубин, Л.Д. Гудков, Н.Е. Копосов и др., в сознании современного российского общества в качестве «мифа происхождения» выступает память о Великой Отечественной войне, причем именно в форме официального мифа о войне, основные дискурсы, коммеморативные практики и «институциональная инфраструктура» которого сложились в 1960–1970-е гг.⁷⁵ Социокультурные механизмы мифологизации реального исторического события или же, напротив, «демифологизации», развенчания события и его героев, подробно изучались в работах П.И. Гришанина, С.Ю. Малышевой, В.В. Нурковой, С.Е. Эрлиха⁷⁶.

Наличие в общественном сознании диаметрально противоположных образов прошлого и различных «исторических мифов», сложившихся вокруг одних и тех же событий и персонажей, может свидетельствовать о противоборстве нескольких моделей и сценариев коллективной идентичности. В своем исследовании об исторической памяти в российской культуре XIX – начала XX в. я стремилась изучить пути взаимодействия исторической науки и художественной культуры при создании образов прошлого, а также выявить, как происходила мифологизация этих образов в общественном сознании. Это позволило выделить несколько «проектов коллективной идентичности», соперничавших в общественной мысли России XIX – начала XX в.: важнейшие из них – династический, основанный на традиционной преданности правящему дому; национальный, предполагающий понимание истории как воплощения творческого духа нации; наконец, демократически-народнический проект, основанный на противопоставлении народной Правды и «неправды» существующего социального строя. Каждый из этих проектов идентичности был связан с определенным типом исторического повествования, пантеоном исторических героев, мифов и символов, славных дат и «мест памяти»⁷⁷.

Тема «идентификационных мифов» часто вплетается в изучение официальных коммеморативных практик, инициатором и главным

⁷⁴ Эрлих 2006. С. 79-90.

⁷⁵ Тощенко 2000; Гудков 2005; Дубин 2004; 2008; 2011. С. 47-69; Копосов 2011. С. 91-108, 163-167, 263-264.

⁷⁶ Нуркова 2001; Гришанин 2008; Малышева 2005; Эрлих 2006; 2009.

⁷⁷ Леонтьева 2011.

действующим лицом которых являются государственные структуры; цель исследователя в таком случае состоит в том, чтобы выявить, какое видение прошлого и какие сценарии коллективной идентичности государство диктует своим гражданам⁷⁸. В исследовании С.Ю. Малышевой организация «революционных празднеств» в первое десятилетие Советской власти предстает как мощное средство формирования новой идентичности, насаждения новой «исторической мифологии» и создания нового семантического поля, «в рамках и в понятиях которого мыслит исторический процесс рядовой советский гражданин»⁷⁹.

В то же время, замечает Е.В. Волков, «инициируют мифы “верхи”, но они утверждаются в обществе только тогда, когда “низы” их принимают... Если “низы” отвергают миф, они отвечают молчанием или его высмеиванием. Для укоренения мифа в обществе необходимы два важных обстоятельства: насыщенный поток текстов и актуальность ключевых идей мифа»⁸⁰. Как показано И.В. Нарским на примере населения Урала в годы гражданской войны, усилия государства по насаждению новой коллективной памяти оказываются успешными именно в тех ситуациях, когда само общество дезориентировано и деморализовано, а прежние базовые представления о мире утрачивают убедительность. В такой ситуации «культура воспоминания (мнемотехника) общества» превращается в одну из «техник выживания»: «новая историческая мифология» позволяет осуществить сублимированное вытеснение «прозаического кошмара прошлого», предлагает систему ориентиров в настоящем и рождает надежду дожить до лучшего будущего. В результате семена новых мифов попадают на благоприятную почву, и «на обломках живой биографической памяти возводится помпезный монумент памяти культурной»⁸¹.

Таким образом, исследования, посвященные структурам, практикам или же содержанию памяти, выводят нас на ключевую проблему «историографии памяти» – на вопрос о том, как общество «осваивает» свое прошлое: принимает или отвергает, гордится или стыдится, стремится понять прошлое, чтобы примириться с ним, – или понять, чтобы не допустить его повторения.

Центральной проблемой целого ряда современных исследований являются так называемые **«стратегии памяти»** или **«мнемонические**

⁷⁸ Цимбаев 2012; Булыгина, Кожемяко 2012.

⁷⁹ Малышева 2008.

⁸⁰ Волков С. 19.

⁸¹ Нарский 2004; 2001. С. 390-442.

стратегии» – пути трансформации воспоминаний в рамках социальной памяти. В некоторых случаях речь идет о трансформации, которой подвергается тот или иной фрагмент индивидуальных воспоминаний, чтобы занять свое место (как кусочек мозаики) в повествовании об «общем прошлом». Работа памяти предстает как процесс селекции событий и их деталей, их «объективизации», «типизации», «обезличивания», «группирования и обобщения» – в соответствии с явной или скрытой схемой их интерпретации⁸².

В других случаях под «сценариями памяти» исследователи понимают более масштабное явление – внутреннюю логику формирования представлений о прошлом, направленную на утверждение того или иного типа коллективной идентичности, на то, «чтобы от имени прошлого санкционировать определенные образцы поведения, установки, оценки в настоящем и, еще более широко, в будущем, с проекцией в будущее»⁸³. В числе таких «сценариев» выделяют «героизацию» или «виктимизацию» прошлого, «рессентимент» и «ностальгию», «нормализацию прошлого», и, наконец, «проработку прошлого».

Героизация (или «гlorификация») прошлого является востребованной в периоды формирования национально-государственных мифологий; официальный «большой нарратив» нации или государства строится в данном случае как рассказ о великих событиях и славных свершениях, а память об этих событиях приобретает сакральный характер. Травматический опыт различных групп, а также сюжеты, связанные с переживанием вины или позора, вытесняются из социальной памяти. Противоположной стратегией памяти по отношению к героизации является «виктимизация» прошлого – восприятие его как череды трагедий, мученичества и «исторических обид»; «виктимная память» также может превратиться в официальную версию прошлого, что ведет к международным «войнам памяти» и взаимным обвинениям⁸⁴.

Другую «пару» взаимно противоположных стратегий памяти составляют ностальгия и рессентимент: «Если в основании ностальгии лежит идеалистически переживаемый образ прошлого, то в основании рессентимента – чувство обиды и негодования, связанные с неким условным фактом этого прошлого»⁸⁵. Изучение феномена ностальгии стало достаточно популярным в последние годы; чаще всего речь идет

⁸² Нагорная 2004. С. 229, 238-239; Гудков 2005. С. 85-86.

⁸³ Дубин. 2008.

⁸⁴ Хмелевская 2014.

⁸⁵ Чикишева. 2012.

о ностальгических переживаниях наших соотечественников в отношении советского прошлого. Ностальгия трактуется в современных исследованиях не просто как тоска по невозвратному прошлому, но как более сложный социокультурный феномен, включающий в себя и «избирательную амнезию в отношении прошлого», и стремление преодолеть фрустрацию, порожденную утратой веры в будущее, и вид социальной игры, нацеленной на создание «воображаемого сообщества» вокруг общих воспоминаний⁸⁶.

В качестве специфической «стратегии памяти» часто выделяют «нормализацию прошлого» - преодоление травматических воспоминаний о трагедиях и жертвах с помощью формулы «все было как у всех, разве что еще труднее». Так, применительно к истории нашей страны стратегия «нормализации» состоит в том, что в современных политических дискурсах советская история «лишается своей исторической специфики как идеологический, политический и социальный опыт» и рассматривается как вариант общего процесса модернизации или же как органическая часть российской национально-государственной истории. Тем самым современная политика пытается «безболезненно переварить опыт недавнего прошлого, сделать его столь же безопасным и бессильным, как та “старина”, с которой мы сталкиваемся в архитектурных заповедниках Кижей или Суздаля», – и использовать советское наследие как «основу для общественного консенсуса, переваривающего любые различия и преодолевающего любые разрывы»⁸⁷.

Наконец, внимание исследователей привлекает такая «стратегия памяти», как «проработка прошлого» или «работа над прошлым». Эта стратегия предполагает широкое научное и общественное обсуждение трудных вопросов прошлого: снятие запрета с табуированных тем, открытие архивов, проведение публичных дискуссий, а в конечном счете – «серьезное философское осмысление... проблемы коллективной вины, памяти и идентичности в обществе, прошедшем через массовый террор»⁸⁸. Смысловым центром стратегии «проработки прошлого» является идея нравственной ответственности человека за все, что происходит с обществом на протяжении его жизни; «работа над прошлым» неразрывно связана с «критической моральной рефлексией»⁸⁹. «Непроработанность» памяти, незавершенность этого процесса,

⁸⁶ Янковская 2004; Чикишева 2013.

⁸⁷ Калинин 2010; Копосов 2011. С. 144-153, 165.

⁸⁸ Эткинд 2004.

⁸⁹ Копосов 2011. С. 129, 207, 227.

как подчеркивают историки и социологи, ведет к ремифологизации прошлого, к социальной пассивности, интеллектуальному и моральному релятивизму⁹⁰.

Именно когда историки или социологи обращаются к проблеме «сценариев памяти», со всей очевидностью проявляется их собственная гражданская позиция: как правило, когда речь заходит о сценарии «проработке памяти», ученый оставляет привычную роль «объективного наблюдателя» и переходит на позицию заинтересованного участника этого процесса. Научный труд, выполненный в русле «историографии памяти», может восприниматься самим ученым и его коллегами по цеху как вклад в социально значимую «работу над прошлым».

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что мемориальный поворот в отечественной науке оказался достаточно плодотворным. Говорить о сложившемся исследовательском консенсусе в данной сфере едва ли возможно, но и оценка отечественных исследований памяти как «раскрошенной историографии» представляется излишне пессимистической: общность подходов просматривается и в выборе источников, на материале которых осуществляются исследования, и в выборе методов анализа, и в понятийном аппарате работ (несмотря на широкий диапазон трактовки некоторых важных терминов).

Изучение исторической памяти в современной отечественной науке интенсивно развивается в нескольких направлениях. Одно из этих направлений связано с исследованием памяти той или иной группы в контексте ее социальных практик – таких, как социализация и ресоциализация, «тактики выживания» в экстремальных ситуациях, «горизонтальная» и «вертикальная» коммуникация. Характерной темой исследований, выполненных в этом русле, является тема травматического опыта и «проработанности» исторических травм. Другое направление ориентировано на выявление внутренней логики, структуры картин «общего прошлого»: здесь в фокусе внимания исследователя находятся «образы прошлого», «исторические мифы», темпоральные структуры памяти. Ключевым элементом, позволяющим воссоединить два этих направления в едином проблемном поле, является категория идентичности. Большая часть упомянутых выше исследователей стремится рассматривать коллективную идентичность в развитии, подчеркивая, что в ее формировании можно выделить сменяющиеся «сценарии», «парадигмы» и «стратегии». Сквозной темой целого ряда исследований явля-

⁹⁰ Глебова 2009; Дубин 2004.

ется проблема взаимодействия различных субъектов памяти – прежде всего «власти» и «общества» – в формировании коллективной идентичности, а также причин успеха или же провала различных «мемориальных стратегий». Наконец, характерной чертой историографии памяти является активная, «включенная» позиция историка по отношению к предмету своего исследования, нехарактерная для классической историографии. Изучение исторической памяти выступает в таком случае как акт и личностной, и социально значимой рефлексии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович А.М., Гранин Д.А.* Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1982. 432 с.
- Алеврас Н.Н.* Революция в диалогах эмигрантов о прошлом и будущем России // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 711-733.
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* «Историческая правда» и «домыслы историка»: Ключевский и его школа в окуляре критики историков-эмигрантов 20-30-х гг. // Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. С. 111-125.
- Алексиевич С.* У войны не женское лицо. Последние свидетели. М.: Советский писатель, 1988. 368 с.
- Антощенко А.В.* Увековечивая в бронзе: правительственный замысел памятника «Тысячелетию России» и его воплощение // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 396-418.
- Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
- Булыгина Т.А.* Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 5-19.
- Булыгина Т.А., Кожемяко Т.Н.* Историческая память и юбилей в России в XX–XXI веках // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2012. С. 63-76.
- Васильев А.Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-23.
- Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской]. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. 544 с.
- Вишленкова Е., Дмитриев А.* Удобное прошлое для одной корпорации: постсоветские университеты в поисках классического статуса // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 7. М.: РГГУ, 2010. С. 381-395.
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* История университета как история памяти корпорации // Ab Imperio. 2004. № 3.
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Университет как память и как знание // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 35-67.

- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с.
- Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябин. Дом печати, 2008. 392 с.
- Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 219 с.
- Глебова И.И. Историческая память в современной России: История и историк в системе общественных ограничений. Интервью // Труды по россиеведению: Сб. научн. тр. / РАН, ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. М., 2009. Вып. 2. С. 237-248.
- Гришанин П.И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167-172.
- Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 83-103.
- Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
- Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 241-261.
- Детство 45-53: А завтра будет счастье / авт.-сост. Л. Улицкая. М.: АСТ, 2013. 538 с.
- Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: ЛКИ, 2007. 416 с.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под редакцией Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5 // «Журнальный зал». URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html
- Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 6-21.
- Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011. 391 с.
- Еремеева С.А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 499-532.
- Захаров О.И. Засеивая новое дисциплинарное поле // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 386-390.
- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. 1999. Вып.1. С. 250-265.
- Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. статей / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
- Историческая память и диалог культур: сб. материалов Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т. Т. 1. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 364 с.

- Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 551 с.
- Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Ред. А. Миллер, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012. 648 с.
- Исторические мифы и этнонациональная идентичность // Диалог со временем. 2007. Спецвыпуск 21. 416 с.
- История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2012. 292 с.
- Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 74. С. 6-16.
- Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с.
- Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. 207 с.
- Коноров С.В. Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 325-333.
- Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 241-261.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 320 с.
- Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто: История оккупации в устных свидетельствах // Память о войне. 2005. С. 195-240.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. 336 с.
- Кукулин И. Фотографическое печенье «Мадлен» // Новое литературное обозрение. 2008. № 4 (92). С. 211-224.
- Курилла И. История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). // «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/3/4k.html>
- Лашевская А.Д. Миф и фальшструкт как категории анализа исторической памяти // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 181-190.
- Леонов М.И. Е.Ф. Азеф в исторической памяти // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 191-199.
- Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 844-884.
- Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: «Книга», 2011. 448 с.
- Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник (Историческая память и образ города). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2008.
- Майер А.С. Время, события, герои в исторической памяти (на материале московских городских легенд) // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 762-790.

- Мальшиева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
- Мальшиева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917-1920-х годов // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 682-710.
- Нагорная О.С.* «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти. 2004. С. 228-241.
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
- Нарский И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск: «Энциклопедия», 2008. 516 с.
- Нарский И.В.* Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917-1922 гг. // Век памяти. 2004. С. 394-412.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 391-404.
- Нора П.* Эра коммемораций // Нора П., Озуф М., Пюнимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 95-148.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006. 287 с.
- Нуркова В.В.* Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки: История как культурный конструкт. М.: РГГУ, 2001. С. 20-33.
- Нуркова В.В.* История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
- Нуркова В.В.* Совершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000. 320 с.
- Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. 784 с.
- Поршинева О.С.* Методология и методы изучения культурной памяти // Век памяти, память века: Опыт общения с прошлым в XX столетии. 2004. С. 22-37.
- Посохов С.И.* О памяти и памятниках в университетской истории // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2012. С. 117-131.
- Потапова Н.* Тема «памяти» в культуре модернизма // Россия XXI. 2012. № 3. С. 86-117; № 4. С. 58-79.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Прусс И.* Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки // Память о войне. 2005. С. 210-221.
- «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сб. статей / Ред. О.С.Нагорная и др. Челябинск: Каменный пояс, 2014. 296 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. 2005. С. 122-169.

- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7-18.
- Ровный Б.И. Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // Век памяти, память века. 2004. С. 38-49.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. 2014. Сер. 2, вып. 2. С. 106-126.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2 т. СПб.: «Наука», 2003. Т.1: Конструирование прошлого. 623 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 88-99.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. 2005.
- Савчук В.С. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентичности // Диалог со временем. 2001. Вып. 37. С. 224-254.
- Свирепо О.А. Проблема культурной памяти в свете естественнонаучных представлений / Век памяти. 2004. С. 50-65.
- Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.
- Святославский А.В. Трансформация образа И.В. Сталина в коллективной памяти (с 1930-х гг. до современности) // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 288-313
- Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сенявская Е.С., Сенявский А.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139-151; № 3. С. 107-121.
- Тоценко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.
- Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 476 с.
- Фото как хокку / Сост. Б. Акунин. М.: Изд-во «Захаров», 2011. 384 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. Ю.В. Быстрова. СПб.: «Владимир Даль», 2003. 423 с.
- Хмельевская Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. 2004. С. 7-20.
- Хмельевская Ю.Ю. Поколение как генератор памяти: о «технических» характеристиках, продуктивности и сфере применения // «Работа над прошлым». 2014. С. 27-37.
- Хубова Д.Н. Память для забвения, забвение для памяти? // Век памяти. 2004. С. 66-83.
- Цимбаев К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. 2012. С. 475-498.
- Чикишева А.С. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании // Культурологический журнал. Электр. издание. 2012. № 3 (9). С. 1-9. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11

- Чикишева А.С. Ностальгический миф и формы его репрезентации в пространстве Рунета // Историческая память и диалог культур. 2013. С. 305-314.
- Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.
- Шаталова О.Ф. «Непреодоленное прошлое»: войны и катастрофы как «места памяти» белорусских крестьян // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. С. 162-175.
- Щербакова И.Л. Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Век памяти, память века. 2004.
- Щербакова И. Над картой памяти // Память о войне. 2005. С. 195-209.
- Эрлих С.Е. История мифа. («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. 268 с.
- Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009. 274 с.
- Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5 // URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_3.html.
- Янковская Г.А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. // Век памяти. 2004. С. 347-357.

REFERENCES

- Adamovich A.M., Granin D.A. Blokadnaya kniga. M.: Sovetskii pisatel', 1982. 432 s.
- Alevras N.N. Revolyutsiya v dialogakh emigrantov o proshlom i budushchem Rossii // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 711-733.
- Alevras N.N., Grishina N.V. «Istoricheskaya pravda» i «domysly istorika»: Klyuchevskii i ego shkola v okulyare kritiki istorikov-emigrantov 20-30-kh gg. // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii. Sb. statei / pod red. I.V. Narskogo, O.S. Nagornoi, O.Yu. Nikonovoi, Yu.Yu. Khmelevskoi. Chelyabinsk: Izd-vo «Kamennyi poyas», 2004. S. 111-125.
- Aleksievich S. U voiny ne zhenskoe litso. Poslednie svideteli. M.: Sovetskii pisatel', 1988. 368 s.
- Antoshchenko A.V. Uvekovechivaya v bronze: pravitel'stvennyi zamysel pamyatnika «Tsyacheletiyu Rossii» i ego voploshchenie // Fenomen proshlogo / Otv. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. S. 396-418.
- Bordyugov G.A. «Voiny pamyati» na postsovetском prostranstve. M.: AIRO-XXI, 2011. 256 s.
- Bulygina T.A. Modeli istoricheskoi pamyati v vospominaniyakh o voine // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 1 / Pod red. A.V. Gladysheva. Sara-tov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. S. 5-19.
- Bulygina T.A., Kozhemyako T.N. Istoricheskaya pamyat' i yubilei v Rossii v KhKh–XXI vekakh // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6 / pod red. A.V. Gladysheva, T.A. Bulyginoi. Saratov; Stavropol': Sarat. gos. un-t; SKFU, 2012. S. 63-76.
- Vasil'ev A.G. Sovremennye memory studies i transformatsiya klassicheskogo naslediya // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 19-23.

- Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii. Sb. statei / pod red. I.V. Narskogo, O.S. Nagornoi, O.Yu. Nikonovoi, Yu.Yu. Khmelevskoi]. Chelya-binsk: Izd-vo «Kamennyi poyas», 2004. 544 s.
- Vishlenkova E., Dmitriev A. Udobnoe proshloe dlya odnoi korporatsii: postsovetskie universitety v poiskakh klassicheskogo statusa // Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy. Vyp.7. M.: RGGU, 2010. S. 381-395.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Istoriya universiteta kak istoriya pamyati korporatsii // Ab Imperio. 2004. № 3.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Universitet kak pamyat' i kak znanie // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 18. S. 35-67.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina, 2005. 500 s.
- Volkov E.V. «Gidra kontrevolyutsii». Beloe dvizhenie v kul'turnoi pamyati sovetskogo obshchestva. Chelyabinsk: Chelyab. Dom pechati, 2008. 392 s.
- Voloshina V.Yu. Uchenyi v emigratsii: problemy sotsial'noi adaptatsii uchenykh-emigrantov skvoz' prizmu «personal'noi istorii». Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 219 s.
- Glebova I.I. Istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii: Istoriya i istorik v sisteme obshchestvennykh ogranichenii. Interv'yu // Trudy po rossiedeniyu: Sb. nauchn. tr. / RAN. INION. Tsentr rossiedeniya; Gl. red. I.I. Glebova. M., 2009. Vyp. 2. S. 237-248.
- Grishanin P.I. Beloe dvizhenie i grazhdanskaya voina: istoricheskaya fenomenologiya i istoricheskaya pamyat' // Voprosy istorii. 2008. № 2. S. 167-172.
- Gudkov L.D. «Pamyat'» o voine i massovaya identichnost' rossiyan // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 83-103.
- Danilevskii I.N. Aleksandr Nevskii: paradoksy istoricheskoi pamyati // «Tsep' vremen»: problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L.P. Repina. M., 2005. S. 119-132.
- Danilova N. Memorial'naya versiya Afganskoi voiny (1979-1989 gody) // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red.-sost. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 241-261.
- Detstvo 45-53: A zavtra budet schast'e / avt.-sost. L. Ulitskaya. M.: AST, 2013. 538 s.
- Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii. 21. Spetsial'nyi vypusk: Istoricheskie mify i etnonatsional'naya identichnost'. M.: LKI, 2007. 416 s.
- Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod redaktsiei L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. 800 s.
- Dubin B.V. «Krovavaya» voina i «velikaya» pobeda // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 // «Zhurnal'nyi zal». URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html
- Dubin B.V. Pamyat', voina, pamyat' o voine. Konstruirovaniye proshlogo v sotsial'noi praktike poslednikh desyatiletii // Otechestvennye zapiski. 2008. № 4 (43). S. 6-21.
- Dubin B.V. Rossiya nulevykh: politicheskaya kul'tura – istoricheskaya pamyat' – povsednevnyaya zhizn'. M.: ROSSPEN, 2011. 391 s.
- Eremeeva S.A. Kamennye gosti: monumental'nye pamyatniki kommemoratsii // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovaniye predstavlenii o proshlom: kollekt. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoi / otv. red. A.N.Dmitriev. M.: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2012. S. 499-532.

- Zakharov O.I. Zaseivaya novoe distsiplinarное pole // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 42. S. 386-390.
- Zvereva G.I. Obrashchayas' k sebe: samopoznanie professional'noi istoriografii v kontse XX veka // Dialog so vremenem. 1999. Vyp.1. S. 250-265.
- Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati: Sb. statei / Red.-sost. I. Gerasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 416 s.
- Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur: sb. materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi shkoly (Kazan', 2012 g.): v 3 t. T. 1. Kazan': Izd-vo KNITU, 2013. 364 s.
- Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom: kollekt. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoi / otv. red. A.N. Dmitri-ev. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 551 s.
- Istoricheskaya politika v XXI veke: Sb. statei / Red. A. Miller, M. Lipman. M., 2012. 648 s.
- Istoricheskie mify i etnonatsiona'naya identichnost' // Dialog so vremenem. 2007. Spetsvypusk 21. 416 s.
- Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6 / pod red. A.V. Gladysheva, T.A. Bulyginoi. Saratov; Stavropol': Sarat. gos. un-t; SKFU, 2012. 292 s.
- Kalinin I. Nostal'gicheskaya modernizatsiya: sovetskoe proshloe kak istoricheskii gori-zont // Neprikosnovennyi zapas. 2010. № 74. S. 6-16.
- Kovalev M.V. Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920-1940 gg.). Saratov: Sarat. gos. tekhn. un-t, 2012. 408 s.
- Koznova I.E. XX vek v sotsial'noi pamyati rossiiskogo krest'yanstva. M., 2000. 207 s.
- Konorev S.V. Istoricheskii mif v sovremennom rossiiskom obshchestve: proiskhozhdenie i sotsiokul'turnaya rol' // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoin. M.: IVI RAN, 2011. S. 325-333.
- Konradova N., Ryleeva A. Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoi Otechestvennoi // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red.-sost. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 241-261.
- Koposov N.E. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M., 2011. 320 s.
- Kormina Zh., Shtyrkov S. Nikto ne zabyt; nichto ne zabyto: Istoriya okkupatsii v ustnykh svidetel'stvakh // Pamyat' o voine. 2005. S. 195-240.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoin. M.: IVI RAN, 2011. 336 s.
- Kukulin I. Fotograficheskoe pechen'e «Madlen» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 4 (92). S. 211-224.
- Kurilla I. Istoriya i pamyat' v 2004, 2008 i 2014 godakh // Otechestvennye zapiski. 2014. № 3 (60). // URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/3/4k.html>
- Lashevskaya A.D. Mif i fal'shstrukt kak kategorii analiza istoricheskoi pamyati // Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur. 2013. S. 181-190.
- Leonov M.I. E.F. Azef v istoricheskoi pamyati // Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur. 2013. S. 191-199.
- Leont'eva O.B. Vlast' i narod v zerkale istoricheskikh predstavlenii rossiiskogo obshchestva XIX veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoin. M.: Krug", 2010. S. 844-884.
- Leont'eva O.B. Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala KhKh vv. Samara: «Kniga», 2011. 448 s.
- Maier A.S. Moskovskie gorodskie legendy kak istoricheskii istochnik (Istoricheskaya pamyat' i obraz goroda). Dis. ... kand. istor. nauk. M., 2008.

- Maier A.S. Vremya, sobytiya, geroi v istoricheskoi pamyati (na materiale moskovskikh gorodskikh legend) // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 762-790.
- Malysheva S.Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927). Kazan': Ruten, 2005. 400 s.
- Malysheva S.Yu. Mifologizatsiya proshlogo: sovetskie revolyutsionnye prazdnestva 1917-1920-kh godov // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 682-710.
- Nagornaya O.S. «Vek katastrof» v kul'turnoi pamyati sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Vek pamyati. 2004. S. 228-241.
- Narskii I.V. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg. M.: ROS-SPEN, 2001. 632 s.
- Narskii I.V. Fotokartochka na pamyat': Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtobio-istoriograficheskii roman). Chelyabinsk: «Entsiklopediya», 2008. 516 s.
- Narskii I.V. Konstruirovaniye mifa o grazhdanskoj voine i osobennosti kollektivno-go zabyvaniya na Urale v 1917-1922 gg. // Vek pamyati. 2004. S. 394-412.
- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. S. 391-404.
- Nora P. Era kommemoratsii // Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Frantsiya-pamyat'. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 95-148.
- Nurkova V.V. Zerkalo s pamyat'yu: Fenomen fotografii: Kul'turno-istoricheskii analiz. M.: RGGU, 2006. 287 s.
- Nurkova V.V. Istoricheskoe sobyitie kak fakt avtobiograficheskoi pamyati // Voobrazhaemoe proshloe Ameriki: Istoriya kak kul'turnyi konstrukt. M.: RGGU, 2001. S. 20-33.
- Nurkova V.V. Istoriya kak lichnyi opyt // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2009. № 1. S. 5–27.
- Nurkova V.V. Sovershennoe prodolzhaetsya: psikhologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti. M.: Izd-vo Un-ta RAO, 2000. 320 s.
- Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa / Red.-sost. M. Gabovich. M.: NLO, 2005. 784 s.
- Porshneva O.S. Metodologiya i metody izucheniya kul'turnoi pamyati // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obshcheniya s proshlym v KhKh stoletii. 2004. S. 22-37.
- Posokhov S.I. O pamyati i pamyatnikakh v universitetskoi istorii // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 6 / pod red. A.V. Gladysheva, T.A. Bulyginoi. Saratov; Stavropol': Sarat. gos. un-t; SKFU, 2012. S. 117-131.
- Potapova N. Tema «pamyati» v kul'ture modernizma // Rossiya XXI. 2012. № 3. S. 86-117; № 4. S. 58-79.
- Pro A. Dvenadtsat' urokov po istorii / Per. s fr. Yu.V. Tkachenko. M.: RGGU, 2000. 336 s.
- Pruss I. Sovetskaya istoriya v ispolnenii sovremennogo podrostka i ego babushki // Pamyat' o voine. 2005. S. 210-221.
- «Rabota nad proshlym»: KhKh vek v kommunikatsii i pamyati poslevoennykh pokolenii Germanii i Rossii: sb. statei / Red. O.S.Nagornaya i dr. Chelyabinsk: Kamennyi poyas, 2014. 296 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.

- Repina L.P. Kontseptsii sotsial'noi i kul'turnoi pamyati v sovremennoi istoriografii // Fenomen proshlogo. 2005. S. 122-169.
- Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 7-18.
- Rovnyi B.I. Instrumenty issledovaniya kollektivnoi pamyati: vozmozhnosti i iskushe-niya // Vek pamyati, pamyat' veka. 2004. S. 38-49.
- Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburg. un-ta. 2014. Ser. 2, vyp. 2. S. 106-126.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: Teoriya i istoriya. V 2 t. SPb.: «Nauka», 2003. T.1: Konstruirovaniye proshlogo. 623 s.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Obydennyye predstavleniya o proshlom: empiricheskii analiz // Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoi. M.: Krug", 2008. S. 88-99.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. «Istoricheskaya pamyat'»: k voprosu o granitsakh ponyatiya // Fenomen proshlogo. 2005.
- Savchuk V.S. Anatolii Moskalenko i drugie. Lichnye vospominaniya istorika kak istochnik po probleme gruppovoi identichnosti // Dialog so vremenem. 2001. Vyp. 37. S. 224-254.
- Svirepo O.A. Problema kul'turnoi pamyati v svete estestvennonauchnykh predstavlenii / Vek pamyati. 2004. S. 50-65.
- Svyatoslavskii A.V. Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov. M.: «Drevlekhranilishche», 2013. 592 s.
- Svyatoslavskii A.V. Transformatsiya obraza I.V. Stalina v kollektivnoi pamyati (s 1930-kh gg. do sovremennosti) // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoi. M.: IVI RAN, 2011. S. 288-313
- Senyavskaya E. S. Protivniki Rossii v voinakh KhKh veka: evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva. M.: ROSSPEN, 2006. 288 s.
- Senyavskaya E.S., Senyavskii A.S. Istoricheskaya pamyat' o voinakh KhKh v. kak oblast' ideino-politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoyaniya // Otechestvennaya istoriya. 2007. № 2. S. 139-151; № 3. S. 107-121.
- Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremen-nogo sostoyaniya // Novaya i noveishaya istoriya. 2000. № 4. S. 3-14.
- Fenomen proshlogo / Otv. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. 476 s.
- Foto kak khokku / Sost. B. Akunin. M.: Izd-vo «Zakharov», 2011. 384 s.
- Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati / Per. s angl. Yu.V. Bystrova. SPb.: «Vladimir Dal'», 2003. 423 s.
- Khmelevskaya Yu.Yu. O memorizatsii istorii i istorizatsii pamyati // Vek pamyati, pamyat' veka. 2004. S. 7-20.
- Khmelevskaya Yu.Yu. Pokolenie kak generator pamyati: o «tekhnicheskikh» kharakteristikakh, produktivnosti i sfere primeneniya // «Rabota nad proshlym». 2014. S. 27-37.
- Khubova D.N. Pamyat' dlya zabveniya, zabvenie dlya pamyati? // Vek pamyati. 2004. S. 66-83.
- Tsimbaev K.N. Rekonstruktsiya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskikh yubileev v politicheskikh tselyakh // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoi Rossii. 2012. S. 475-498.

- Chikisheva A.S. Fenomen nostalgii i ego problematizatsiya v sovremennom kul'turologicheskom znanii // Kul'turologicheskii zhurnal. Elektr. izdanie. 2012. № 3 (9). S. 1-9. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/152.html&j_id=11
- Chikisheva A.S. Nostal'gicheskii mif i formy ego reprezentatsii v prostranstve Runeta // Istoricheskaya pamyat' i dialog kul'tur. 2013. S. 305-314.
- Chuikina S.A. Dvoryanskaya pamyat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody). SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2006. 259 s.
- Shatalova O.F. «Nepreodolennoe proshloe»: voiny i katastrofy kak «mesta pamyati» belorusskikh krest'yan // Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhevuz. sb. nauch. tr. Vyp. 2 / Pod red. A.V. Gladysheva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2010. S. 162-175.
- Shcherbakova I.L. Pamyat' GULAGa. Opyt issledovaniya memuaristiki i ustnykh svidetel'stv byvshikh uznikov // Vek pamyati, pamyat' veka. 2004.
- Shcherbakova I. Nad kartoi pamyati // Pamyat' o voine. 2005. S. 195-209.
- Erlikh S.E. Istoriya mifa. («Dekabristskaya legenda» Gertsena). SPb.: Aleteiya, 2006. 268 s.
- Erlikh S.E. Metafora myatezha: dekabrysty v politicheskoi ritorike putinskoj Rossii. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. 274 s.
- Etkind A. Stoletnyaya revolyutsiya: yubilei nachala i nachalo kontsa // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 // URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_3.html.
- Yankovskaya G.A. Nostal'giya v stile sotsialisticheskogo realizma v kul'turnoi pamyati postsovetskoi Rossii 1990-kh gg. // Vek pamyati. 2004. S. 347-357.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru

«Memorial turn» in the contemporary Russian historical studies

The article discusses the general trends in the study of historical memory in contemporary Russian historical studies. The author shows how Russian researchers interpret the social nature of memory, which communities and social groups are studied as subjects of historical memory. She reveals the main groups of sources used in the works on historical memory, as well as methods applied to analyze them. The article is also focused on the interpretations of the structure, content, and strategies of historical memory, which are offered in the contemporary Russian historiography. Historical researches created in the genre of "historiography of memory", are interpreted by the author as contribution of the scientific community to a socially significant "work on the past".

Keywords: historiography, methodology of history, historical memory.

Olga Leontieva, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Samara State University; oleontieva@yandex.ru